
А. О. МИЛЫХ

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТАРНЫМ?

В статье рассматриваются история появления понятия «политаризм» в советском научном дискурсе 80-х гг., ключевые особенности политарного способа производства. Также автор исследует возможности применения концепции политарного общества для анализа событий истории советского периода в истории России. Показано, что критериям политарного общества соответствует советский строй, основанный на государственной, а не общенародной собственности на средства производства, предполагающей наличие социального равенства, справедливости и свободы. Но в современном российском обществе существуют лишь некоторые признаки политарного устройства. Данные признаки связаны с гипертрофированной ролью государства в жизни общества. Тем не менее это общество не может считаться политарным из-за наличия в нем парцеллярной частной собственности, развитой социальной дифференциации, наличия значимых элементов демократического устройства и т. д.

Ключевые слова: политарное общество, азиатский способ производства, капитализм, элитизм, государство, власть, производственные отношения, коррупция, антагонизм, марксизм, утопия, культурный код.

The article discusses the history of the concept of ‘politarianism’ which emerged within the Soviet scientific discourse of the 1980s and the key features of the ‘politar (Asian) mode of production’. Also, the author studies the possibilities of applying the concept of ‘a politar society’ for the analysis of historical events of the Soviet epoch in the history of Russia. It is shown that the criteria of the ‘politar society’ apply to the Soviet system, which was based on the state ownership of the means of production, rather than on public property, the latter implying existence of social equality, justice and freedom. However, contemporary Russian society possesses only some characteristics of a politar organization. These characteristics are associated with the state’s excessive role in social life. However, this society cannot be considered as a politar one be-

cause it has parcel private property, developed social differentiation, significant elements of a democratic system, and etc.

Keywords: *politar society, Asiatic mode of production, capitalism, elitism, the state, authorities, relations of production, corruption, antagonism, Marxism, utopia, cultural code.*

Вопрос о соотношении элементов политарной и капиталистической структур в современном российском социуме все еще остается предметом полемики. Вместе с тем стоит отметить, что и само понятие «политаризм», характеризующее особый тип социальной организации, является предметом научных дискуссий еще с 1980 г., когда в сборнике Института востоковедения АН СССР «Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки» была опубликована статья «Об одном из типов традиционных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения». По словам ее автора Ю. И. Семенова, еще в 1970-х гг., когда он начал работать над этой проблемой, он задумался о параллелях между способом производства в странах Древнего Востока и СССР. Известные (к тому времени) исторические факты требовали сосредоточить внимание исследователей на уточнении содержания понятия «феодализм». Дело было в том, что в советской литературе все земледельческие общества эпохи Средних веков одинаково квалифицировались как феодальные (как в Западной Европе, так и в государствах Востока), хотя между ними имелось фундаментальное различие: на Востоке земля издревле была собственностью государства. На эту особенность обратил внимание еще Карл Маркс. Он предложил для характеристики обществ доколониального Востока понятие «азиатский способ производства». Объектом, для обозначения которого служило предложенное понятие, становится общественный строй, в основе которого лежала верховная собственность государства на все ресурсы, и прежде всего – на землю: «Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе» [Маркс 1962: 354]. Для типологической характеристики этого общества Ю. И. Семенов предложил ввести в научный оборот понятие «политаризм», поскольку публикация

работ по проблематике азиатского способа производства в те годы была затруднена по цензурным соображениям.

Ю. И. Семенов характеризует свою позицию следующим образом: «...мы будем именовать данный антагонистический способ производства политарным (от греч. *полития* – государство), представителей класса эксплуататоров – политаристами, весь класс в целом – политократией, а в качестве самого общего термина для обозначения данного способа производства и всего данного общественного порядка в целом будем употреблять слово “политаризм”. Соответственно речь будет идти о политарных производственных отношениях и политарном обществе» [Семенов 2019: 52–53].

Ключевой в этом определении, на наш взгляд, является характеристика «антагонистический». Исходя из общей логики анализа общественных отношений в классовом обществе, разработанной в трудах К. Маркса, противопоставляются два основных класса: эксплуататоров и непосредственных производителей. В ситуации, когда одним из таких классов-антагонистов является государство, уточнение определения понятия «класс эксплуататоров» становится нетривиальной задачей. Так, например, Д. В. Новиков полагает, что основой дифференциации классов в политарном обществе является наличие власти [Новиков 2013: 139]. Собственно, это положение само по себе не позволяет уяснить специфические особенности обществ политарного типа, равно как и верифицировать или фальсифицировать утверждение о принадлежности к нему некоторого конкретного общества. Однако далее этот автор предлагает в качестве такого признака рассматривать политический монополизм, а в качестве его производной – административный ресурс как основной источник экономической и политической ренты [Там же]. Разделяющие его позицию исследователи отмечают, что «истинный мотив (*использование административного ресурса*) связан с личной заинтересованностью и в общем состоит в гарантировании сохранения или улучшения своего должностного статуса. Данный мотив личной заинтересованности может быть связан с такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, желание получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и т. п.» [Панфилова, Швердяев 2005: 6–7]. В частности, в свете такого подхода Ф. Ф. Федоровым в рамках обзора событий

и обстоятельств первых лет президентства В. В. Путина была поднята проблема политического монополизма в постсоветской России: «...другие политические фигуры, кроме президента, становились для граждан все менее авторитетными, их голоса – менее слышными, а образы – менее различимыми. А “президентский полюс” постепенно подминал под себя все больше политическое пространство» [Как мы... 2005: 7].

Однако какое отношение к рассматриваемым реалиям имеет концепция политарного общества? Если «поле власти» свободно от конкурентной политики, а политическая элита действует в личных интересах, всеми путями и средствами закрепляя свое монопольное положение, то мы, скорее, имеем дело с явно выраженным элитизмом.

В этой связи нужно перечислить выделенные Ю. И. Семеновым ключевые признаки политаризма (приведено по С. А. Ермолаеву):

1. Государственный аппарат не просто обеспечивает интересы правящего класса, а сам является правящим классом.

2. Члены господствующего класса (государственного аппарата) при политаризме образуют политосистему – иерархическую систему распределения прибавочного продукта, или продукта, полученного от эксплуатации остального населения.

3. Поскольку система построена жестко иерархично, пребывающий на ее вершине глава (политарх) определяет конкретный ее состав, а также и размеры доли прибавочного продукта для каждого слоя, а порой даже для каждого ее члена. Согласно Семенову, политарха от других правителей отличает фактическое право на жизнь и смерть подданных, причем всех без исключения – как эксплуатируемых, так и эксплуататоров. Соответственно, политарная власть для своего утверждения большей частью обращается к государственному террору – таков главенствующий способ ее существования [Ермолаев 2009: 191–192].

Не вызывает сомнений, что приведенные признаки политарного способа производства характеризуют общественный строй, существовавший в СССР в диапазоне между 1917 и 1991 гг.¹ Со-

¹ Согласно А. И. Ракитову, «способ производства... есть единство производительных сил, охватывающих аппаратную часть, производителя, непосредственно оперирующего инструментальной составляющей, и производственных отноше-

ветское общество, как известно, именовалось «социалистическим», однако конкретные его черты едва ли соответствовали пониманию социализма у классиков марксизма. Социализм рассматривался ими как первая фаза коммунистического общества, в которой общенародная собственность на средства производства должна была сочетаться с распределением общественного богатства по труду при сохранении классовых различий, не имеющих антагонистического характера. По мере развития социализма «на собственной основе» этот способ распределения должен был смениться «распределением по потребностям», сопровождаемым постепенным исчезновением классов. Необходимым признаком социалистического общества признавалось отсутствие частной собственности, сосредоточенной в руках господствующего класса эксплуататоров, что означало установление социального равенства и справедливости, гарантирующих «свободу каждого как условие свободы всех».

Едва ли возможно аргументированно утверждать, что названные типологические признаки социализма были реализованы в условиях СССР. Было бы ошибкой отрицать огромные достижения, которых добился Советский Союз в индустриализации страны, развитии народного образования, науки и культуры. Но все эти результаты были достигнуты под эгидой государства – монопольного собственника всех ресурсов общества, в то время как задача построения принципиально нового типа общественного устройства, позволяющего постепенно преодолеть социальное неравенство, оставалась нерешенной. Вместо установления общенародной собственности на средства производства, что повлекло бы исчезновение диспозиции «собственник – наемный работник», была установлена верховная собственность государства на средства производства (при номинальном сохранении так называемой «кооперативно-колхозной формы собственности»). Тем самым была ликвидирована лишь *парцеллярная форма частной собственности на средства производства*, а ее *групповая форма* посредством перехода полномочий собственника к государственному аппарату сохранилась. Неудивительно, что в Советском Союзе существовала эксплуатация рабочих и крестьян, при этом государственная форма эксплуатации ока-

ний, охватывающих собственность, распределение и так называемый обмен деятельностью» [Осипов 2007].

залась более тяжелой, чем эксплуатация со стороны частных владельцев. В условиях сохранения социального (прежде всего – экономического) неравенства и систематического использования государственного (внеэкономического) принуждения к труду невозможно всерьез говорить об обществе полноценной свободы. Наряду с этим идея «мировой социалистической революции», начальной фазой которой провозглашалось «построение социализма в отдельно взятой стране», довольно успешно использовалась для легитимации гиперцентрализованной власти. А основные интересы этой власти воплощались в политике ускоренной индустриализации, результаты которой, в свою очередь, использовались в целях форсированной милитаризации. Лозунг «защиты социалистического Отечества» позволял обосновывать и оправдывать усиленную эксплуатацию рабочих и крестьян. В отношении же несогласных и недовольных широко применялись репрессивные практики. Неизбежными следствиями такого положения вещей становились обнищание масс, а затем нарастающая имущественная поляризация, хорошо различимая и по настоящее время. То обстоятельство, что многие граждане Советского Союза, увлеченные грандиозной задачей построения нового общества и создания нового человека, искренне считали этот строй социалистическим и поэтому были склонны «не замечать» многие недостатки советского строя, списывая их на «трудности роста», не дает социальной философии (основанной на деятельностном подходе) достаточных оснований для квалификации советского общества как подлинно социалистического. Как отмечает К. Х. Момджян [2013: 22], единственным отличием советского политаризма от классических «азиатских» форм этого строя было то, что он был реализован на индустриальной, а не сельскохозяйственной основе, полностью соответствуя критериям «индустрополитаризма», выделенным Ю. А. Семеновым [2019].

С учетом сказанного едва ли можно утверждать, что в современном российском социуме наблюдаются системообразующие признаки политаризма. Конечно, мы по-прежнему наблюдаем высокую концентрацию власти и ее монополизацию в руках замкнутой группы, а равно и прогрессирующий разрыв между доходами чиновников и других групп населения. Но эти признаки не специ-

фичны для политарного строя, хотя большей частью его сопровождают². Отметим, что сам Ю. И. Семенов квалифицировал состояние постсоветской России как «периферийный паракапитализм» с неополитарным наследием былого членства в мировой системе [Семенов 2003: 558–559].

Согласно некоторым версиям постмодернистской концепции, сама капиталистическая система (как можно видеть, частично затронутая сегодня политарной реорганизацией своих институтов), является «предметом критики и общественной формой, требующей преодоления» [Терещенко 2011: 11]. Здесь мы возвращаемся к позиции последователей марксизма, которую многие современные ученые считают архаичной. К. Х. Момджян говорит о ней как об идеологическом аспекте социального знания, тех «неверифицируемых формах сознания, в частности, валлоативной философии, которая представляет собой личный экзистенциальный опыт, персональный взгляд мыслителя на смыслы человеческого существования в мире, его собственную систему ценностных предпочтений» [Момджян 2013: 26].

Рассуждая о сущности политаризма, правомерно также задаться вопросом: нет ли оснований считать, что этот строй, уже доказавший свою воспроизводимость в различных социально-исторических условиях, в известном смысле связан с особенностями культурного кода некоторых народов? Полагаем, что ответ на него может быть утвердительным – «образ» политаризма в ряде случаев можно расценить как специфическую составляющую культурного кода – с тем важным уточнением, что речь идет, условно говоря, не о «национальном», а о «цивилизационном» коде, поскольку он впервые формируется в группе тех «азиатских» обществ, что своим, особым образом высвободились из первобытно-общинного строя. Наряду с этим стоит заметить, что, согласно позиции В. С. Кржевова (статья «Материалистическое понимание истории и его современное значение»), вопрос о том, как сказываются культурно-исторические различия на протекании социальных процессов, целесообразно рассматривать лишь после уяснения вопроса «более общего порядка –

² При абсолютизме во времена Людовика XIV планировалось «обратить все земли в королевский домен и сдавать их, кому захочет двор, не обращая внимания ни на давность владения, ни на наследственные, ни на какие бы то ни было права» [Семенов 2019: 327].

о той роли, какую вообще играют коды культуры в человеческой деятельности» [Кржевов 2000].

Роль политаризма как доминирующей политико-идеологической программы ряда обществ в прошлом и настоящем в этом плане представляется предельно очевидной. В аспекте легитимации форм социального порядка он является способом поддержания примата «государственной воли» над любыми нижестоящими человеческими коллективами. Вместе с тем факты свидетельствуют, что «задуманная» первоначально как средство упорядочения системы социальных связей и, в частности, защиты прав населения и сведения к минимуму степени его эксплуатации, эта форма организации общества в силу имманентно присущей ей логики нередко обуславливала движение в обратном направлении, что приводило к установлению жесткого иерархического порядка со всеми его недостатками. Вновь подчеркнем, однако, что применительно к современному российскому обществу можно говорить лишь о некоторых политарных тенденциях, значение которых не следует абсолютизировать. При существующей в настоящее время дифференцированной социальной системе, функционировании во многих секторах экономики института индивидуальной частной собственности, а также сохранении элементов демократического устройства общества и соответствующих установок сознания влиятельных социальных групп реанимация политаризма в России представляется не более вероятной, чем «построение коммунизма».

Вместе с тем нельзя не заметить, что словосочетание «политарная утопия» используется некоторыми общественно-политическими деятелями в качестве идеологической конструкции, представляемой как патриотический концепт, целенаправленно воспроизводимый усилиями общегосударственного масштаба. В первую очередь он адресован чиновникам, обслуживающим систему управления, с тем чтобы можно было представить государство как главного гаранта справедливого распределения доходов в нашем «паракапиталистическом» обществе.

Некоторые исследователи высказываются о возможных перспективах политаризма еще категоричнее: «...эпоха противопоставления частной и общественной собственности завершилась. Противоречие “частного” и “общественного” в собственности пе-

рестало быть *антагонизмом*; всякая будущая собственность будет нести в себе как элемент частного, так и элемент общественного» [Орехов 2011: 112]. В этом плане, однако, нельзя не заметить, что подобные формулировки «ломаются в открытую дверь»: частная собственность по определению являет собой не что иное, как особую форму общественного отношения.

Все изложенные соображения приводят к выводу о том, что использование определения «политаризм» для квалификации социально-политического строя современной России не является релевантным, поскольку здесь отсутствует тотальное огосударствление средств производства и не наблюдается второй конституирующий признак этого типа организации: не создана единая целостная иерархическая система распределения прибавочного продукта, полученного от эксплуатации всего населения. Что же касается самой концепции политарного общества, то она, как представляется, сохраняет свой методологический потенциал и может служить адекватным инструментом анализа актуальных проблем исторического познания.

Литература

Ермолаев С. А. 2009.03.052. Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М. : Волшебный ключ, 2008. 401 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия: Реферативный журнал. 2009. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2009-03-052-semenov-yu-i-politarnyy-aziatskiy-sposob-proizvodstva-suschnost-i-mesto-v-istorii-chelovechestva-i-rossii-m-volshebnyy-kluyuch> (дата обращения: 29.08.2020).

Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье / отв. ред. А. Знатов. М. : Эксмо; Алгоритм, 2005.

Кржевов В. С. Материалистическое понимание истории и его современное значение // Философия и общество. 2000. № 1(18) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/590755/> (дата обращения: 29.08.2020).

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1962.

Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013.

Новиков Д. В. Административный ресурс как средство реализации интересов российской элиты // Альманах современной науки и образования. 2013. № 5(72). Тамбов : Грамота. С. 137–140.

Орехов А. М. Социальная философия: Предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI в. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.

Осипов Н. Е. О формационно-цивилизационной корреляции во всемирной истории // Философия и общество. 2007. № 2(46) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formatsionno-tsivilizatsionnoy-korrelyatsii-vo-vsemirnoy-istorii> (дата обращения: 29.08.2020).

Панфилова Е. А., Шевердяев С. Н. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы. М. : Де Ново, 2005.

Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней.) М. : Современные тетради, 2003.

Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. 3-е изд., стереотип. М. : ЛЕНАНД, 2019.

Терещенко Н. А. Социальная философия после «смерти социального». Казань : Казанский ун-т, 2011.